

Анатолий Агарков

Чертово колесо

Электронная версия

Чёртово колесо

Так жизнь скучна, когда боренья нет.

(М. Лермонтов)

Вторую неделю колесил по увельским весям уполномоченный Челябинского облзема по делам коллективизации Иван Артемьевич Назаров. Выступал перед казаками, крестьянами, агитировал за колхозы. В помощники Увельский райком партии определил ему бывшего председателя Соколовской казачьей коммуны Константина Алексеевича Богатырёва, человека в районе известного ещё со времён Гражданской войны и особо уважаемого в станицах.

Ездили избитыми просёлками, ночевали в чужих избах, но никак не удосужились поговорить по душам. А порасспросить Богатырёва у Ивана Артемьевича было о чём, да только не было повода: слишком суров на вид казался «отставной козы барабанщик Богатырёв» - как он сам представился при знакомстве.

И вот, наконец, по дороге в станицу Кичигинскую признался Назаров:

- Где-то в этих местах в восемнадцатом году без вести сгинул мой задушевный друг Андрей Фёдоров. Пошёл в Кичигинскую станицу с продотрядом и пропал по дороге. Не слыхал?

- В восемнадцатом? – переспросил Богатырёв. – Нет, не слыхал. Должно быть, Семёна Лагутина рук дело. Он тут один из первых против Советской власти пошёл и дрался до конца. Как говорится, до последнего патрона. Когда поймали – покаяться хотел, говорил: в монастырь уйду, если простите, грехи замаливать. Да где там – столько крови на руках. В Троицке, в чека и расстреляли. Перед смертью-то он словоохотлив был. Вот его бы расспросить, может, что и поведал.

- Да-а, мёртвого не спросишь. А что, может и правда получился бы из него поп-праведник или послушник какой. Глядишь – и святой, помрёт – народ мощам молиться

станет. Бывает и так жизнь поворачивает. Иные элементы раньше насмерть бились с Советской властью, а теперь вдруг стали её активистами. Иного тряхни в НКВД, а у него за душой и эсеровщина, и колчаковщина, и чёрт знает ещё что.

- Меня вон тоже трясли, - уныло сказал Богатырёв. – В бандитские потатчики записали, коммуны пропил.... Спасибо, Василий Константинович спас от стенки да позора.

- Блюхер?!

- Он. А кабы не он, где бы я сейчас был?

Собеседники умолкли, думая каждый о своём, и долго на лесной дороге слышны были лишь топот копыт да скрип тележный.

Назаров не верил в фатальность судьбы, но сейчас, глядя на бородатое лицо Константина Богатырёва, готов был поверить. Те же места, быть может, та же дорога, и вот такие бородачи напали из засады и порубали продотрядцев Фёдорова, и концы упрятали в воду. Подумалось ненароком - а может и Богатырёв к тому делу причастен и вот-вот сделает признание. Ох, как бы не роковое для него, Ивана Артемьевича Назарова.

День венчался к полудню. Стояла невыносимая, удушливая жара. Вроде бы чистое и в то же время хмурое небо повисло над головой – как всегда бывает в густом лесу или в преддверье дождя. Издали донёсся громовой раскат.

Богатырёв подстегнул вожжами лошадь:

- Успеть бы до грозы, станица-то совсем уж рядом....

Гроза надвигалась стремительно. Вековой бор утробно шумел под напором ветра. В местах, где сосны подступали вплотную к дороге, длинные колючие ветви угрожающе раскачивались сверху вниз, норовя хлестнуть по глазам.

Но вот они расступились, открылась станица на крутом берегу реки. Стало видно, что небо туго забито лиловыми тучами. Ветер стих, но было ясно, что грозы не миновать.

На широкой улице – ни души, молчат собаки, молчат петухи.

- Тихо как, - подивился Назаров.

Иван Артемьевич уже подметил, что казаки внешне очень похожи друг на друга. Вот и Кичигинский председатель Совета Парфёнов казался родным братом Богатырёву. Встретил он их без особого энтузиазма. Долго и настороженно разглядывал предъявленные документы, вчитываясь в каждое слово.

- Ты, товарищ Парфёнов, никак нас за шпионов принял, - пошутил Назаров. - Откуда такая подозрительность? Были попытки?

- Ты мне подал бумаги, я их посмотрел, что тут такого? – угрюмо сказал председатель, возвращая документы.

- Поди, энкавэдэшников не так встречаешь, председатель? Они молчунов не жалуют.

Назаров и сам не понял, что он сейчас сказал - шутку или скрытую угрозу, намёк, так сказать, на возможные последствия.

Парфёнов молвил после паузы:

- У нас, казаков, говорят - лучшее слово то, которое не сказал.

Неловкое молчание прервал Богатырёв, кивнув на окно, за которым бушевала гроза:

- Должно надолго.

- Ветер сильный, - не согласился Парфёнов, - скоро разведрится.

Однако стихия ярилась всё сильнее и лиходейничала до самых потёмков.

Чуть дождь поутих, Парфёнов пригласил:

- Идёмте до дому, бабка повечерять нам соберёт.

- Ты, председатель, не суетись, - остановил его Богатырёв. – Полчанин мой тут у вас живёт – Фомка Михайленков. Жив ли?

Заказать
полную
версию
произведения
МОЖНО ЗДЕСЬ

http://anagarkov.ru/zakaz_form.php